

Борьба Красной армии и Уральского казачества в трудах бывших красных командиров

А.М. Дубовиков

*ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
Тольятти, Российская Федерация*

В статье показано отражение событий истории борьбы Уральского казачества против Красной армии в период Гражданской войны в работах авторов, являвшихся непосредственными участниками тех событий со стороны Красной армии. При этом показаны особенности работ, написанных разными авторами в разное время, что позволяет наглядно представить, как изменились традиции освещения событий Гражданской войны в советской исторической литературе в разные исторические периоды.

Ключевые слова: Уральское казачество, Гражданская война, историческая литература о Гражданской войне, Иван Кутяков, Николай Хлебников.

Для цитирования: Дубовиков А.М. Борьба Красной армии и Уральского казачества в трудах бывших красных командиров // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.80–94.

В советское время ни простой обыватель, ни профессиональный историк не могли ознакомиться с трудами казачьих авторов-белоземigrants, а доступ к архивным документам, огласка которых была нежелательна, был ограничен. Поэтому историческая литература о борьбе Красной армии против Уральского казачества слишком «однобока». Она содержит информацию о событиях и называет имена, но о ее объективности говорить не приходится. Тому есть немало причин, главная из которых – идеология, формировавшая негативный имидж белогвардейца – злобного и жестокого защитника интересов «помещиков и капиталистов». Правда, казаков часто делили на богатых и бедных. Конечно же, бедные воевали против зажиточных земляков, которых взяться за оружие заставил страх потери своих богатств. Такая картина не соответствовала действительности, но негативный образ «белого» казака укоренился и в литературе (научной и художественной), и в общественном сознании.

Все советские авторы, писавшие о борьбе Красной армии с Уральским казачеством, были люди пришлые, не имевшие представления о жизни, традициях и нравах уральских казаков. Они не могли понять причину фанатичного упорства, с которым казаки сражались за свою землю с незваными гостями. Д.А. Фурманов был родом из Ярославской, Н.М. Хлебников – из Костромской, Я.А. Володихин и И.С. Кутяков – из Самарской губернии.

Среди советских авторов наибольший интерес представляют непосредственные участники описываемых ими событий, то есть «живые источники». Это Иван Семенович Кутяков [см.: 9, 10], Николай Михайлович Хлебников

[см.: 18]. Так, в числе авторов книги «Легендарная Чапаевская», кроме Н.М. Хлебникова, указаны его соавторы – П.С. Евлампиев и Я.А. Володихин, но вряд ли их участие в написании книги было столь активным. Скорее всего, Хлебников взял в соавторы боевых товарищей, доживших до написания книги, изданной через много лет после описываемых в ней событий. В 1922 г. Д.А. Фурманов написал своего «Чапаева», вышедшего в 1923 г. [17], и десятки раз переиздававшегося только в 20–30-е гг. Но это произведение является скорее художественное, чем научное, а потому рассматриваться не будет.

На момент гибели Чапаева 22-летний Кутяков был командиром одной из двух бригад 25-й дивизии, сменившим Чапаева на этом посту; 24-летний Хлебников – начальником артиллерии той же дивизии; 23-летний Володихин – помощником начальника штаба одной из двух ее бригад; 22-летний Евлампиев – комиссаром одного из полков той же дивизии.

Книга «Легендарная Чапаевская», столь популярная в советские годы, – это типичный образец работ 60–80-х гг. о Гражданской войне [18]. Вступительную статью авторы завершили словами: «Славным зачинателям дивизии – В.И. Чапаеву и Д.А. Фурманову, всем, кто боролся с врагами нашей Родины, под знаменем 25-й Чапаевской, мы и посвящаем наш скромный труд» [18, с.6]. Кого в данном случае следует считать «врагами Родины» – понятно. Но авторы не могли не знать, что считать «зачинателями дивизии» Чапаева с Фурмановым не совсем верно. Фурман (именно такой была настоящая фамилия комиссара) в Красную армию пришел в феврале 1919 г., тогда как Чапаев (до выхода в свет книги Фурманова он носил фамилию «Чеваев») склонил на сторону революции тыловой 138-й полк, стоявший в Николаевске (ныне – г. Пугачев Саратовской области) еще осенью 1917-го. Позже он возглавлял разные отряды Красной гвардии, а в 25-ю дивизию, действительно, пришел с Фурмановым, но Чапаев был уже третьим ее командиром после Захарова и Восканова.

Вряд ли имело место и дружеское прощание Фурманова с Чапаевым, описанное Хлебниковым и соавторами, вложившими в уста Чапаева слова: «Прощай, Митяй, во многих боях мы с тобой были, много горя мы с тобой видели, полюбил я тебя крепко, и жаль расставаться» [18, с.153]. Но сегодня хорошо известно о непростых отношениях командира с комиссаром, вылившихся в острый конфликт. Правда, в «Википедии» сообщается, что к моменту расставания Фурманова с Чапаевым их конфликт уже угасал, а его причиной было ухаживание Чапаева за супругой Фурманова, находившейся при муже [21]. За основу статьи в «Википедии» взята книга П.А. Аптекаря, на которую указывает абсолютное большинство имеющихся там сносок [2]. Но Аптекарь склонен к героизации Чапаева и Красной армии не меньше, чем его советские предшественники. Видимо, в силу симпатии к главному персонажу своего труда, он не включил в книгу отдельные факты биографии своего героя, оставляя лишь позитив, иногда далекий от истины. Чапаев показан героем, талантливым военачальником и, безусловно, положительным персонажем и у другого автора – В.О. Дайнеса в книге с тем же названием [5]. Информацию о Чапаеве собирали и его дети – Александр и Клавдия, посвятившие ему свою книгу, изданную в 1979 г. Их соавтором стал Я.А. Володихин. В 1987 г. вы-

шло 2-е издание этой книги, «исправленное и дополненное» [19]. Обе книги были изданы в Чебоксарах, и это не случайно. Чапаев – уроженец деревни Будайки Чебоксарского уезда Казанской губернии – в Чувашии особенно популярен и почитается как национальный герой, хотя еще в малолетнем возрасте он вместе с родителями переехал в Самарскую губернию. Понятно, что и дети Василия Ивановича, и его сослуживец стремились создать героический образ, порой далекий от реального Чапаева. То же можно сказать и о правнучке, продолжившей дело своей бабушки уже в нынешнем, XXI веке [20]. Именно их работы, наряду с работой Аптекаря, легли в основу статьи в «Википедии», поэтому трудно ожидать от нее объективности, ибо другой точки зрения не было представлено.

В статье было лишь отмечено, что кроме подобных работ, есть и другие, авторы которых не уверены, что правда была на стороне красных. Но упомянут только один из таких авторов – Сергей Станиславович Балмасов. При этом указана лишь его небольшая статья, и нет ни слова о ее содержании [3]. Впрочем, у Балмасова нет более значимых работ, касающихся участия уральских казаков в Гражданской войне.

Однако есть и другие авторы, полагающие, что уральские казаки героически сражались за родную землю против незваных гостей, пришедших к ним с оружием для установления своей власти и новых, чуждых казакам порядков. Это Николай Иванович Фокин [16], Сергей Васильевич Картагузов [7] и другие. Примечательно, что в названиях их книг звучит трагизм: «Исход», «Финал трагедии». Звучит он и в названиях книг двух упомянутых в «Википедии» авторов – Владимира Сергеевича Толстова и Леонида Лукьяновича Масынова: «Гибель Уральского казачьего войска» [13], «От красных лап в неизвестную даль» [11]. Но о двух их книгах также не сказано ничего, кроме того, что они стали доступны читателю в постсоветское время. Толстов назван последним атаманом, а Масынов – казаком Уральского войска, что не совсем верно. Казаками (в узком смысле) называли рядовых, а Масынов был прапорщик [14, с.36] (в дореволюционной России это был самый младший офицерский чин). В названиях этих книг трагизм присутствует не случайно; для их авторов все, что принесли Чапаев и Красная армия в их родной край, – это кошмар, суть и последствия которого не понять чужакам, восхваляющим «героизм» Чапаева и его сослуживцев. И если причиной трагедии для двух последних авторов стала Гражданская война, то для двух первых авторов – также распад СССР, после которого их родная земля стала территорией другого государства.

К сожалению, как и в прежние советские времена, их труды не пользуются широкой известностью в читательских (в том числе научных) кругах, ввиду доминирования пропагандистского давления на общественное сознание, которое, как и в советском прошлом, страдает однобокостью.

Немало ценного можно найти и в работах других эмигрантов. Евгений Давыдович Коновалов – уральский офицер, занимавшийся в основном налаживанием контактов с союзниками по антибольшевистскому движению, работал при атамане, при Комуче, при Колчаке. Находясь при Колчаке, издал брошюру «Уральцы за 1,5 года борьбы» [8], в которой привел многие имена,

цифры, сведения о боях и прочую ценную информацию. В эмиграции он стал активным членом казачьей общественности, затем профессором.

Михаил Ильич Изергин уральским казаком не был. Его, полковника Добровольческой армии, для координации совместных действий в Гурьев отпустил П.Н. Врангель. Разработанный им «Лбищенский рейд» был успешно проведен под руководством полковника Тимофея Ипполитовича Сладкова. Будучи в эмиграции, Изергин опубликовал большую статью, где подробно описал подготовку и осуществление того рейда [6].

Иван Григорьевич Акулинин тоже не был уральским казаком, но был казак оренбургским, хорошо знавшим культурные и боевые традиции уральцев. В конце Гражданской войны он, будучи генерал-майором, с остатками своего корпуса был вынужден соединиться с остатками Уральской армии. Его статья «Уральское казачье войско в борьбе с большевиками» [1] также является ценным источником, проливающим свет на борьбу уральцев с красными. Автор детально проанализировал ход боевых действий, снабжение и тыл, изучил проблему беженцев и военнопленных, оснащенность средствами транспорта и связи, причины болезней и проблемы медицинского обслуживания, связь с другими фронтами, особенности военной тактики и бойцовского характера уральцев, их набожность и консерватизм, контакты уральских и оренбургских казаков. Любопытно, что ряд этих аспектов отдельно освещен в книге И.С. Кутякова в ходе сравнения ситуации у красных и у казаков [10, с.166–177].

Статьи уральских казаков-белоземляков о борьбе своих земляков с большевиками также можно найти как в эмигрантской прессе, так и в неопубликованных рукописях. Среди их авторов – полковник Тимофей Ипполитович Сладков, генерал-майор Михаил Никанорович Бородин (автор рукописи «Начало борьбы уральских казаков с большевиками»), генерал-майор Сергей Арфьевич Щепихин (автор рукописи «Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом»). Особенно следует отметить войскового старшину Павла Андреевича Фадеева. К сожалению, прожив 83 года, он слишком поздно стал публиковаться в эмигрантской прессе. Лишь во второй половине 1960-х гг., став членом редколлегии русского журнала «Родимый Край», разменяв восьмой десяток, он начал писать статьи с удивительной быстротой. За неполное десятилетие (с 1967 по 1976 г.) он опубликовал около полусотни статей. Почти все они посвящены истории Уральского казачества, и примерно половина – его участию в Гражданской войне [15].

Возвращаясь к «Википедии», надо отметить, что причиной конфликта Фурманова и Чапаева послужило не только ухаживание командира за женой комиссара; Фурманову не нравились ни методы руководства дивизией, ни поведение ее командира, о чем он сообщал не только руководству 4-й армии, но и в более высокие инстанции. Свидетельством отсутствия потепления в их отношениях служит письмо, отправленное Фурмановым Чапаеву после их расставания, где объективная критика сочетается с оскорблениями.

Книга «Легендарная Чапаевская» изобилует цитатами о мужестве и героизме красноармейцев; в ней нет ни слова о проявлении ими трусости, а тем более о предательстве. Вот типичные цитаты: *«В стужу и мороз, в бураны и метели, часто полураздетые и полуголодные бойцы стойко боролись за Со-*

ветскую власть»; «Бойцы и командиры проявляли сознательность и величайшую преданность делу революции. И это, пожалуй, одна из самых главных причин массового героизма и одерживаемых побед» [18, с.39, 67]. Но Кутяков в своей книге не раз отмечал, что в красных частях случались и бунты, и дезертирство, и даже предательство. Так, летом 1918 г. у Чапаева взбунтовался батальон Грибакова, сам комбат был ранен [9, с.56–57]. Конфликты бойцов с командирами были нередки. Во вступительной статье к книге А.И. Кутякова Верховский писал, что «характерными чертами войск того времени» были «чрезвычайно трудная управляемость», «отсутствие дисциплины» и «очень низкая военная выучка» [9, с.8]. Вторил ему и Кутяков, отметив, что сохранять дисциплину часто приходилось «плеткой и револьвером» [9, с.41].

Случались и более серьезные происшествия. Поздней осенью 1918 г. в полках 1-й бригады 25-й дивизии, от командования которыми Чапаев был отстранен и вскоре направлен на учебу, вспыхнул бунт. Главной причиной отстранения Чапаева от прежней должности был конфликт с командармом Т.С. Хвесиным, 24-летним сыном еврейского портного. Были арестованы комполка Плясунков и комбриг Кутяков, которому пьяные матросы плевали в лицо, унижая и оскорбляя, о чем он сам поведал в своей книге. После прекращения мятежа 1-й бригады, начался мятеж во 2-й бригаде, которая была разоружена, а его зачинщики – расстреляны [10, с.36–37].

Были дела и еще серьезнее. Накануне взятия Уральска (январь 1919 г.) 3-я бригада 22-й дивизии не только отказалась идти в наступление, но и приступила к братанию с казаками, арестовав своих комиссаров и «активных коммунистов», которых «передавала в качестве заложников» казакам, а те «привозили их к себе» и расстреливали. К мятежу присоединилась и 2-я бригада. Взбунтовались шесть полков дивизии, после чего командир 1-й армии Гай (Гайк Бжишкян) отправил телеграмму с угрозами: «Немедленно освободите наших пленных товарищей, немедленно изъясните покорность, иначе мы ... вас раздавим». Для помощи в подавлении восстания из Самары и Саратова были присланы «коммунистические отряды», но восставшие «еще более свирепели» и уже сами расстреливали коммунистов. «Википедия» вновь ошибается, сообщая, что захваченные политработники 4-й армии были убиты при попытке бегства из плена. Как свидетельствовал Кутяков, Орлово-Куриловский полк, надеясь на компромисс, отпустил членов РВС армии Г.Д. Линдова, П.В. Майорова и В.П. Мяги. Однако, уже освобожденные, они были расстреляны с бронепоезда, которым командовал матрос-эсер Богданов. После тех событий часть Орлово-Куриловского полка ушла к казакам, а Покровско-Гуркестанский полк ушел к ним весь. Ушла и «часть вожаков восстания» из других полков, а с ними и часть их подопечных [10, с.81–86].

Кутяков, пытаясь разобраться в причинах бунта, отметил, что «в частях 22-й стрелковой дивизии бродила эсеровщина»: одни эсеры организовали бунт, другие им потворствовали, хотя и боялись открыто поддержать. Кутяков честно признал и то, что к бунту подтолкнула разверстка, «жестко проводившаяся» в селах, откуда родом были многие «мятежники», чем в итоге воспользовались эсеры [10, с.81]. «В общем, контакт в работе эсеров 22-й диви-

зии и эсеров Уральской белой армии сводился к тому, чтобы свергнуть советскую власть на левом берегу Волги», – писал он [10, с.82].

В ходе одного из боев с силами Комуча часть бойцов Разинского полка бригады Чапаева (их Кутяков назвал «мобилизованными кулаками») открыла огонь по своим командирам, и группа в числе семисот человек перешла к белым. «В полках уральских казаков почти до конца Гражданской войны не наблюдалось случаев бунта и убийства командного состава, тогда как у нас это можно найти в истории любой части», – честно признал Кутяков [9, с.109–110, 30]. Ничего подобного Хлебников и его соавторы не отважились признать. Да и цензура конца 1960-х гг. такое вряд ли бы допустила.

Командирам нижнего и среднего звена Кутяков порой также дал нелестные характеристики. Он писал, что уважением пользовались не только «честные, принципиальные и храбрые», но и «демагоги, потворствующие массе в ее низменных инстинктах». При этом этих командиров он делил на две категории, каждой из которых, по его мнению, были присущи свои недостатки. Первая категория – люди из социальных низов, «преданные делу революции», но малограмотные. Вторые – бывшие офицеры, грамотные, но ненадежные; одни из них были завербованы казаками, другие, после неудачного боя, надевали погоны, которые прятали до поры до времени. Пример – командир отряда кавалерии Бредихин, который тайно работал на казаков, а после разоблачения бежал к ним [9, с.28, 33].

Согласно Хлебникову, Чапаев не проиграл ни одного боя, хотя иногда ему приходилось отступать. Но подобное имело место из-за неравенства сил и колоссального превосходства противника в живой силе и технике. Вот очередная цитата, приписываемая Чапаеву: «Мы отступили потому, что белоказаки численно намного превышают нас» [18, с.24]. Это о событиях середины мая 1918 г. Но Кутяков привел другие данные, и с ним был полностью согласен Верховский: «В начале борьбы с Уральским казачеством на стороне красных войск был численный перевес, объяснявшийся определенным нежеланием широкой массы казачества, уставшей от войны, снова выходить на фронт» [9, с.10].

Нежелание фронтовиков вновь браться за оружие имело место, но это не главная причина численного превосходства красных. Верховский, как и другие «красные» авторы, игнорировал вопросы ресурсов Уральского войска, все казачье население которого к началу XX в. насчитывало 123677 душ обоего пола [4, с.884]. Кроме рабочих и крестьян Самарской, Саратовской и Тамбовской губерний, 4-ю армию пополняли отряды из Центральной России, Украины, а также «интернационалисты» (бывшие австро-венгерские пленные во главе с Винерманом) [9, с.53–54]. Читая красных авторов (и их сегодняшних преемников), создается впечатление, что красных постоянно атаковали невесть откуда взявшиеся огромные полчища казаков, появлявшиеся то там, то тут не только на огромном пространстве от Каспия до Оренбуржья, но и на обширной территории соседней Самарской губернии. Понимали ли эти авторы, что казаки – живые люди, переброска которых с одних участков фронта на другие требует больших сил и выносливости, особенно с учетом их малочисленности?! «В смысле воинов, уральцы, конечно, выше красных... Но вся

трагедия у уральцев была в том, что пополнения не было никакого. Полки убывали. Учебные полки дошли сначала до дивизиона, а потом сошли на нет. Красные же имели неисчерпаемые запасы и людей, и оружия, слали все новые и новые части», – отмечал Масянов [11, с.126]. О том же писал и Сладков. По его словам, к середине декабря 1919 г. убыль в людях была уже так велика, что, несмотря на громкие названия (дивизия, корпус), это были только названия: *«Кстати сказать, к этому времени частей номинально в корпусе было много, но общее число бойцов не превышало 350 человек»*. К тому времени мало кто из казаков, продолжая борьбу, верил в победу, по крайней мере, без внешней помощи, прежде всего, из других регионов России. О последних месяцах борьбы Сладков писал, что ее продолжение было в принципе невозможно, ситуацию усугубила эпидемия тифа, охватившая станицы (по крайней мере, низовые и средние). *«Постоянная подача противнику свежих резервов усиливала его боеспособность, тогда как наша армия, не имея подкреплений, несла убыль от сильного сыпного, возвратного и брюшного тифа»,* – вспоминал он в своей статье, опубликованной в 1930 г. в парижском журнале «Россия» [7, с.208]. В принципе, Уральское войско окончательно исчерпало все свои мобилизационные ресурсы уже весной 1919 г., когда атаман Толстов поставил в строй всех мужчин-казаков в возрасте от 18 до 55 лет [12, л.133 об.].

С вооружением дело обстояло не лучше. Возвращавшиеся с фронта казаки подлежали разоружению, хотя кому-то и удавалось вернуться домой с оружием. Фронтвики шли воевать неохотно, а вот старики проявляли невероятный фанатизм, часто не имея огнестрельного оружия. *«Бывали моменты, когда несколько сотен стариков бросались в конную атаку без шашек и револьверов, имея в руках только деревянные пики»,* – признавался Кутяков [9, с.19]. Известную «атаку стариков» во главе с отставным полковником Мизиновым близ хутора Халилов описал и Масянов: *«Как оружие, они имели только шашки времен турецкой войны, и немногие – пики и вилы»*. Тем не менее, они *«с фанатическим рвением кинулись в атаку с шестиверстного расстояния, и полным наметом смяли первую цепь красных, многих порубили»*. Но когда красные выдвинули несколько броневиков, шашки оказались бесполезными: *«Многие старики сложили там свои головы, а с ними и их командир, полковник Мизинов»* [11, с.111]. Та атака имела не столько военное, сколько психологическое значение; фронтвики, не желавшие воевать, испытав чувство стыда, вновь взяли за оружие. Кутяков признавал героизм стариков-партизан, которым *«приходилось атаковать наши обозы со специальной целью захвата ружейных патронов чуть ли не с одними нагайками в руках»* [9, с.21]. Он признавал и то, что с ростом численности Уральской армии дефицит оружия становился все сильнее; использовалось даже «оружие времен Пугачева» [9, с. 20]. Все это не вяжется с тем, что сообщали Хлебников и его соавторы.

У казаков ощущалась нехватка не только оружия, но и патронов. Кутяков писал, что за неимением соответствующего оборудования, казаки наладили их производство «кустарным способом», но дальность стрельбы с их использованием была мала, отчего абсолютное большинство красных бойцов получили ранения от шашек, штыков и пик [9, с.20–21]. Кутяков описал два практически

одновременных боя полков Чапаевской бригады – у сел Солянка и Балаши. Полк, при котором находился Чапаев, имея хорошую артиллерию и много пулеметов, отразил атаки и уничтожил 50 казаков, при этом красными было сделано 200 тысяч ружейных выстрелов, то есть на каждого погибшего казака пришлось по 4000 выстрелов. Зато всех красных, погибших в обоих боях, Кутяков называл «зарубленными» [9, с.50–53]. В бою под Переметной станицей потери красных были меньше, потому что *«противник стрелял самодельными патронами. Выпущенная пуля поражала на расстоянии 100–200 метров; в дальнейшем скорость полета уменьшалась, и пуля без всякого вреда ложилась около наших бойцов»* [9, с.61]. Красному Кутякову вторил белый Акулинин: *«У казаков не было ни оружия, ни патронов. С австро-германского фронта полки пришли домой разоруженными»* [1, с.123]. Рассуждая о поражении во время первого похода на Уральск, Кутяков писал: *«Нашей технике противник противопоставил свою маневренность и активность»* [9, с.46].

Кутяков привел данные о первоначальной численности Уральской армии: 4 конных шестисотенных полка и офицерская дружина. Еще он упомянул крестьянскую дружину, состоявшую, по его словам, из кулаков Самарской губернии. Также, по его данным, у казаков было 22 пулемета, 6 орудий, 1 броневик и 1 бронепоезд [9, с.19]. Сформированная в Саратове для похода на Уральск «Ударная группа» включала в себя Саратовский и Тамбовский отряды общей численностью 2600 человек при 92 пулеметах, 6 орудиях, 5 аэропланах и одной бронемашине [9, с.31]. Вскоре к ним прибыли отряды из соседней Самарской губернии: 1400 штыков из Пугачевского уезда и 1000 штыков из Новоузенского уезда. Число орудий выросло до 18, а пулеметов – до 110 единиц. Созданная таким образом «Особая армия» имела в 3 раза больше орудий, в 5 раз – пулеметов, не говоря об аэропланах. При этом Чапаев был командиром одного из семи отрядов, имел в своем распоряжении 700 человек, 20 пулеметов и 4 орудия [9, с.33–34].

О потерях чапаевцев Хлебников и его соавторы обычно не упоминали, но давали понять, что они были несопоставимо меньше потерь казаков; любой бой заканчивался горами трупов казаков, которых красноармейцы «косили» из пулеметов, встречали «ураганным огнем», обращая в бегство и нанося им огромный урон. Вот примеры подобных цитат из книги: *«В этом бою белоказаки понесли большие потери»*; *«Казаки откатывались с большими потерями»*; *«Противник отступил с большими потерями»*; *«Казаки с большими потерями отошли к станице Сахарная»*; *«Противник не выдержал атаки, и, неся большие потери, поспешно отступил»* [18, с.33, 39, 153, 154, 175]. Следуя этой логике, в Уральской армии не осталось бы ни одного казака через 2–3 месяца боев. А вот речь, приписываемая Чапаеву: *«Против Особой армии действуют шесть хорошо обученных казачьих полков. Из них мы разбили четыре... Во время боевого похода на Уральск мы нанесли белоказакам урон в 1500 человек, в то время как с нашей стороны было убитых 16»* [18, с.24]. Разница стократная! Неужели кто-то, будучи в здравом уме, в это поверит? Если бы Особая армия, действительно, разбила четыре казачьих полка из имевшихся шести, это была бы полная победа. Но речь шла о событиях мая

1918 г., когда в ведении казачьего командования имелось всего-то четыре конных полка!

Благодаря Хлебникову, в крае, где не было никакой промышленности, не считая кустарных «заводиков», вдруг «появилась» крупная промышленность: после снятия казачьей осады с Уральска *«задымили трубы заводов и фабрик, прекратилась бесшабашная стрельба на улицах города; Уральск вступал в новую жизнь»* [18, с.82]. Акулинин, знавший Уральское войско гораздо лучше Хлебникова, писал: *«Никакой промышленности, даже в зачаточном виде, на Урале не существовало»*, подразумевая под Уралом Уральское войско [1, с.130]. Впрочем, по поводу отсутствия в Уральском войске «рабочего класса» с ним был согласен и Кутяков. *«Что касается рабочих, то в г. Уральске их было немного»*, – отмечал он, поясняя, что это *«не позволяло считать их серьезной силой в Уральской области»* [9, с.47].

За «героическую оборону Уральска» Хлебников благодарил не командира 22-й дивизии А.В. Сапожкова, а ее комиссара: *«Отважно руководили обороной Уральска городская партийная организация и комиссар 22-й дивизии Иван Андреев»* [16, с.136]. Левый эсер, позже создавший «Красную армию Правды» для борьбы с обычной «Красной армией», в ходе которой погиб, Сапожков стать положительным героем у Хлебникова не мог, но Кутяков не побоялся давать положительную оценку его действиям.

Чапаев в описании Хлебникова постоянно предстает верхом на коне [18, с.31, 39 и др.], хотя известно, что после ранения в ногу, полученного на германском фронте, он не ездил верхом, предпочитая автомобиль. Образ, созданный в кинематографе, перекочевал на страницы книг. Но то, что позволено в художественной литературе, недопустимо в научной. Другой кинематографический миф (о гибели Чапаева) в точности повторен в книге Хлебникова: *«Петр Исаев сдерживал противника огнем, ... пока хватало патронов, а последнюю пулю всадил в себя»* [18, с.163]. Знал ли реальную картину автор? Архивные документы, проливающие свет на подробности гибели Чапаева и Исаева, рассекречены и общедоступны; материалы Фонда №5881 Государственного архива Российской Федерации использовал Балмасов в своей упомянутой выше статье [3].

Количество казаков, уничтоживших штаб Чапаева, авторы определили в «две конные дивизии» [18, с.161], на порядок завысив численность отряда полковника Сладкова. К тому времени, как отмечено выше, громкие названия казачьих формирований не соответствовали реалиям. Дивизии сократились, в лучшем случае, до полков, а то и до эскадронов.

Красные были так напуганы гибелью штаба, что воля к сопротивлению у них была на время сломлена. Разбросанные по обоим берегам Урала, они стали спешно отступать к Уральску, имея большое численное превосходство. Их отступление напоминало позорное бегство, но Хлебников смог преподнести его как пример героизма: *«И хотя бойцы были измотаны тяжелыми переходами, непрерывными боями, яростными атаками казаков, они уверенно пробивались к Уральску»* [18, с.167]. Действительно, благодаря страху и замешательству противника, казаки, преследуя его, совершали дерзкие и неожиданные нападения, нанося ему серьезный урон.

Об отступлении из Гурьева (современный Атырау) остатков армии атамана Толстова Хлебников и его соавторы написали, что *«Толстов едва успел бежать из Гурьева со своим штабом, с белогвардейской знатью и небольшой охраной»* [18, с.184]. Но подавляющее большинство отступавших составляли простые казаки, с которыми ушло немало гражданских лиц. Общая численность всех лиц, вышедших в направлении Форта Александровского из Гурьева, составляла от 12 до 15 тысяч, хотя добраться смогли лишь порядка трех тысяч человек. Но и среди тех, кто дошел до форта, подавляющее большинство вскоре оказались в плену. Пробриться и уйти в направлении Персии смогли порядка двухсот человек. До границы дошли еще меньше. Некоторые, преодолев тяжкий путь, были похоронены уже в Персии. Примерно десятку офицеров и казаков удалось уйти вместе с женами, а некоторым даже с детьми. Например, при атамане находились его 30-летняя супруга и трое детей [14, с.35–40].

Хлебников в адрес казаков допускал оскорбительные выражения («белоказачьи банды» [18, с.18] и т.п.). Противников он назвал «белоказаками», хотя Кутяков использовал просто слово «казаки» или даже «уральцы». Именно так его противники называли себя сами. Более того, Кутяков считал уральцев достойными противниками, не раз используя в их адрес хвалебные высказывания, например:

«Казачьи полки, имевшие опыт мировой войны, отлично действовали в пешем строю и умело использовали свое огнестрельное оружие, причем, превосходство тактической подготовки их чувствовалось в продолжение всей Гражданской войны» [9, с.19].

«Уральская белая армия имела стройную систему управления, сносно организованный тыл, и, естественно, была более боеспособна». [9, с.30].

«Опытность младшего и среднего командного состава казачьих войск давала им возможность вести прекрасно разведку; их отдельные разведывательные отряды внезапно бросались в атаки, результат которых в смысле поражения был небольшой, но зато выяснялась группировка наших сил» [9, с.46].

«Потери среди наших пулеметчиков были велики, и к середине дня половина пулеметов перестала работать, к тому же и меткость нашего пулеметного огня была намного слабее, чем у казаков» [9, с.63–64].

«Великолепное использование казаками своей конницы на всех фазах боя ... не раз ставило красных в критическое положение, ... а рейд полковника Мартынова окончательно сломил наступательный порыв красных и заставил 4-ю армию отступить от Уральска если не разбитой физически, то морально сильно разложившей» [9, с.76].

«Что касается деятельности командования Уральской белой армии, то нам приходится, прежде всего, еще раз отметить целесообразность, которая была вложена в их оперативный план и систему борьбы: вытягивание вглубь своей территории отдельных красных частей, и последовательный их разгром» [10, с.54–55].

«Конные массы белых появлялись там, где их не ждали, и обрушивались на красные полки, окружая их, и изматывая огневым боем и атаками». [10, с.55].

«Отличное знание местности не только начсоставом, но и рядовыми казаками, помогало белым искусно применяться к местности и вести бой в невыгоднейших для себя тактических условиях» [10, с.55].

«Артиллерия казаков работала героически» [10, с.156].

Хвалебные слова Кутяков адресовал и отдельным своим заклетым врагам. О В.И. Акутине он писал, что это *«энергичный, пользовавшийся популярностью среди офицеров и казачества полковник»*. [9, с.49]. Правда, «полковник» был генералом еще при царе. Или слова, адресованные М.Ф. Мартынову: *«Лучший и активнейший генерал Мартынов погиб под Уральском»*. [10, с.145]. Хотя под Уральском он был смертельно ранен, а погиб два месяца спустя.

В заключение сделаем выводы.

Кутяков допустил ряд ошибок и неточностей. Он путал чины, названия и статус казачьих поселков.

Трудно согласиться с его утверждением, что в каждой казачьей сотне было 30–40 офицеров в качестве рядовых бойцов [9, с.18]. Такого количества офицеров просто не было; реальное их число было в разы меньше.

Указывая количественные показатели (число находящихся в строю или число погибших), он использовал круглые числа – 20, 50, 200, 700, 1600 и т.п. Видимо, он предпочитал округлять соответствующие данные. Стало быть, все эти числа надо считать приблизительными, но не точными.

В своей первой книге он писал, что *«полковник Мартынов погиб в январе 1920 года в районе Жилой Косы»*, перед этим сообщив, что Мартынов был участником Русско-японской и «мировой» войн. Во второй книге автор противоречил сам себе, когда сообщал, что Мартынов погиб при обороне Уральска. И был он уже генерал-лейтенантом, а не полковником. Возможно, Кутяков перепутал его с Василием Патрикеевичем Мартыновым, который в январе 1920 г. попал в плен и был расстрелян в поселке Прорва. Но он тоже был генералом, причем, еще при царе. И не был участником Русско-японской и «мировой» войн (под эти данные подходит только М.Ф. Мартынов). Видимо, Кутяков перепутал биографии двух Мартыновых, смешав их воедино.

Кутяков писал: *«После разгона генералом Толстовым войскового правительства и объявления себя наказным атаманом Уральского казачьего войска, ... английский капитал предложил свои услуги»* [9, с.21]. Толстов не разгонял, а обновил Войсковое правительство. Он распустил только Съезд. Этим подробностей Кутяков мог не знать, но он должен был знать, что «наказных атаманов» назначал царь, а В.С. Толстова избрали сами казаки, предоставив ему чрезвычайные полномочия, как требовало время. Кутяков предоставил неверную информацию, написав: *«Немедленно был передан войсковой запас золота и эмбенская нефть англичанам. С этого момента английский капитал стал верным и точным интендантом Уральской армии»* [9, с.21]. Поставки для Уральской армии шли не напрямую от англичан, а из тыла войск Деникина, которому те, действительно, оказывали поддержку. Однако ни нефть, ни

золото войска англичанам не передавали, а Эмбенское нефтяное месторождение располагалось вне Уральского войска, и решение таких вопросов не входило в компетенцию войсковых властей. Что же до золота, то оно было вывезено во время отступления в Форт Александровский, чтобы вместе с людьми отправиться на Кавказ. Однако погрузку людей на суда, прибывшие от Деникина, произвести не удалось из-за подхода кораблей Красного флота, но ящики с золотом погрузить успели; больше их уральцы не видели.

Указанные ошибки и неточности допущены неумышленно, большинство из них не носит принципиального характера, и это связано с недостаточными знаниями об уральском казачестве и о его земле. Обе книги Кутякова содержат много комплиментов в адрес казаков, чего нельзя обнаружить у Хлебникова и его соавторов. Кутяков в своих книгах ничего не приукрасил, не скрыл случаев бунта или предательства, чего не мог себе позволить Хлебников. Кутяков критиковал красных командиров за их просчеты, избегая избирательности, тогда как у Хлебникова одни командиры могли попадать в поле критики, а другие – нет. Кутяков не допустил откровенной лжи ни о гибели Чапаева и Исаева, ни об отношениях Чапаева и Фурманова. Впрочем, хронологические рамки у него заканчиваются мартом 1919 г., а Фурманов был упомянут лишь вскользь. Возможно, он умышленно не затронул события, следовавшие далее, чтобы избежать нежелательных моментов, и при этом не опуститься до лжи. Кутяков предоставил более объективную информацию, чем Хлебников. Кроме того, в его книгах есть приложения, карты-схемы, подробные данные о соотношении сил – все то, чего нет или почти нет у Хлебникова.

В предисловии ко второй книге Кутяков отметил, что использованный им архивный материал *«заклучал в себе массу неточностей не только в датах и пунктах, но даже в виде прямого искажения фактов»* [10, с.8]. Виновниками неточности в документах он считал как младших командиров, которые *«вследствие своей общей малой грамотности весьма небрежно относились ко всем оперативным документам»*, так и *«начальников крупных войсковых соединений»*, которые понимали *«ценность архива»*, а потому *«относились к нему подчас весьма субъективно»* [10, с.8]. То есть он утверждал, что командиры крупных соединений могли себе в угоду сознательно искажать информацию. Следовательно, не всем документам можно верить, о чем Кутяков писал с иронией: *«Причесывать факты истории я не имею желания; в силу этого мой труд по некоторым вопросам не вполне совпадает с официальными источниками Архива Красной армии»* [10, с.8]. В заключение он клялся следовать принципу объективности: *«Я решительно приношу все второстепенные соображения в жертву своему основному, доминирующему над всем стремлению: описать то, что было, и так, как было»* [10, с.8]. Именно этого Хлебников уже не мог себе позволить.

Первая книга Кутякова вышла в 1928 г., когда автору был 31 год, написана же она была годом ранее. Она писалась если не по горячим следам, то в тот период, когда описываемые в ней события еще были свежи в памяти. При этом архивные материалы Кутяков использовал весьма эффективно. А книга Хлебникова вышла в свет спустя полвека после тех событий, когда ее автору было уже 73 (примерно как и соавторам). Ее автор на тот момент был генерал-

полковником запаса, Героем Советского Союза, кандидатом военных наук, а в прошлом – начальником кафедры в Военной академии им. К.Е. Ворошилова. Безусловно, заслуженный и уважаемый человек. Но и среди таких людей конъюнктурщики и конформисты встречались не так уж редко. Кутяков не сумел достичь регалий Хлебникова; будучи комкором, в 1937 г. он был арестован, а через год расстрелян.

И все же главный вывод таков: подобные работы, написанные в 1920-е – начале 1930-х гг. зачастую более объективны, чем работы, написанные сорока годами позже, в которых много «воды», «показухи», пустой демагогии и зачастую мало правды.

Автор предисловия к первой книге Кутякова – А.И. Верховский – аристократ, бывший генерал-майор и военный министр Временного правительства, привлеченный в Красную армию как военспец. В боях на фронтах Гражданской войны он не участвовал, занимая штабные должности, а после преподавал, в основном в военной академии. Известен как военный теоретик, разделявший идеи А.А. Свечина (которого невзлюбил Чапаев в период своего недолгого нахождения в стенах академии). Не будучи профессиональным «партийцем», в предисловии он обратил внимание на военные аспекты, не увлекаясь темой партийной работы или восхвалением роли большевиков.

В этом его отличие от В.Л. Меликова, автора предисловия к другой книге Кутякова, ставшей продолжением первой. Меликов тоже был известен как военный теоретик, но большинство его трудов посвящено не вопросам стратегии и тактики, а истории Красной армии. Он не был ни аристократом, ни царским офицером. Выходец из простой семьи, вступивший в ряды Красной армии с первых дней ее создания, он стал верным членом партии большевиков, которой в предисловии посвятил не один панегирик. *«Большевицкая партия являлась стержнем красных вооруженных сил, и чем крепче, мощнее и глубже проникало партийное руководство в толщу войсковых единиц, тем ... шире и крепче были победы Октябрьской революции на фронтах»*, – писал он [10, с.3–4]. По мнению Меликова, у таких людей, как Кутяков, *«военно-техническое описание полностью поглощает внимание»*, отчего они забывают *«об основном и решающем факторе в Гражданской войне – о политико-партийной работе»* [10, с.5]. А *«описание вооруженной борьбы ... без тщательного и всестороннего анализа партийно-политической работы ... будет накладывать на все исследование отпечаток недоработанности»*. Конечно же, «доработанным» исследование будет лишь тогда, когда его автор будет *«стремиться к тому, чтобы политико-партийный анализ пропитывал все исследование от первой до последней страницы»* [10, с.5]. Читая пожелания Меликова, кажется, что Хлебников учел их сполна. Но маниакально-фанатичное восхваление большевистской партии и ее деяний не спасли Меликова от репрессий; как и жизнь Верховского, его жизнь оборвалась в лагерных застенках.

Источники и литература

1. *Акулинин И.Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. 1927. С.122–147.
2. *Аптекарь П.А.* Чапаев. М.: Молодая гвардия, 2017. 292 с.
3. *Балмасов С.* Тайна гибели Чапая. Последний бой легендарного комдива // Родина. 2001. №11. С.88–91.
4. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско // ЭС: Ф. Брокгауз – И. Ефрон. Т.34. СПб., 1902. С.880–884.
5. *Дайнес В.О.* Чапаев. М.: Вече, 2010. 496 с.
6. *Изергин И.Г.* Рейд на Лбищенск // Грани. 1989. №151. С.167–207.
7. *Картагузов С.В.* Исход. Воспоминания «победителя Чапаева» Т.И. Сладкова. М.: Террирем, 2020. 216 с.
8. *Коновалов Е.Д.* Уральцы за 1,5 года борьбы (13 марта 1918 – 13 сентября 1919). Омск, 1919. 41 с.
9. *Кутяков И.С.* С Чапаевым по Уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией / под ред. Хвесина, с предисловием А.Верховского). М.-Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит., 1928. 144 с.
10. *Кутяков И.С.* Разгром Уральской белой казачьей армии / под ред. и с предисл. В.Л. Меликова). М.: Гос. военное изд-во, 1931. 200 с.
11. *Масянов Л.Л.* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк: Всеславянское издание, 1963. 159 с.
12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.1299. Оп.1. Д.88.
13. *Толстов В.С.* От красных лап в неизвестную даль. Константинополь: Изд. Товарищества «Пресса», 1921. 310 с.
14. *Трегубов А.Г.* Уральцы в Австралии. Уральск: Изд. ТОО «Оптима», 2007. 200 с.
15. *Фадеев П.А.* Гражданская война на Уральском отдельном фронте // Родимый Край. №70, 74–76, 79, 82–88 и др.
16. *Фокин Н.И.* Финал трагедии: уральские казаки в XX веке. Историко-краеведческий очерк. М.: Аким, 1996. 446 с.
17. *Фурманов Д.А.* Чапаев. М.-Петроград: Гос. изд-во, 1923. 174 с.
18. *Хлебников Н.М., Евлампиев П.С., Володихин Я.А.* Легендарная Чапаевская. М.: Знание, 1968. 272 с.
19. *Чапаев А.В., Чапаева К.В, Володихин Я.А.* Василий Иванович Чапаев. Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Изд. 2-е. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1987. 374 с.
20. *Чапаева Е.* Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005. 478 с.
21. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чапаев,_Василий_Иванович (дата обращения: 11.01.2022).
22. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лейтейзен,_Гавриил_Давидович (дата обращения: 11.01.2022)

The struggle of the Red Army and the Ural Cossacks
in the works of former Red commanders

A.M. Dubovikov

Volga Region State University of Service

Tolyatti, Russian Federation

The article shows the reflection of the events of the history of the struggle of the Ural Cossacks against the Red Army during the Civil War in the works of the authors who were direct participants in those events from the Red Army. At the same time, the features of works written by different authors at different times are shown, which makes it possible to visualize how the traditions of covering the events of the Civil War in Soviet historical literature have changed in different historical periods.

Keywords: Ural Cossacks, Civil War, historical literature about the Civil War, Ivan Kutyakov, Nikolai Khlebnikov.

For citation: Dubovikov A.M. The struggle of the Red Army and the Ural Cossacks in the works of former Red commanders. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.80–94. (In Russian)

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Социальные технологии и гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (Тольятти, Российская Федерация); e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Associate Professor of Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation).